

18+

Эдуард Мустафин

Записки поюзанного врача

Эдуард Мустафин

Записки поюзанного врача

«Издательские решения»

Мустафин Э. Р.

Записки поюзанного врача / Э. Р. Мустафин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833786-4

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. От автора... В русской литературе уже были «Записки юного врача» и «Записки врача». Это — «Записки поюзанного врача», сумевшего пережить стадии карьеры «Ничего не знаю, ничего не умею» и «Все знаю, все умею» и дожившего-таки до стадии «Что-то знаю, что-то умею и что?»... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-833786-4

© Мустафин Э. Р.
© Издательские решения

Содержание

От автора...	6
О 32 часах, из которых, собственно, и состоит жизнь...	7
Об экзистенциальном...	9
Об экзистенциальном еще раз...	10
Об экзистенциальном опять...	13
О вдвойне оплачиваемых дежурствах...	16
О роли медсестер лечебном процессе...	18
О роли медсестер лечебном процессе – 2...	20
Элефтерия и танатос...2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Записки поюзанного врача

Эдуард Рубинович Мустафин

© Эдуард Рубинович Мустафин, 2016

ISBN 978-5-4483-3786-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора...

В русской литературе уже были «Записки юного врача» и «Записки врача». Это – не менее талантливо (вот занудства однозначно меньше, чем у Вересаева) написанные «Записки поюзанного врача», сумевшего пережить стадии карьеры «Ничего не знаю, ничего не умею» и «Все знаю, все умею» и дожившего-таки до стадии «Что-то знаю, что-то умею и что?».

Период профессионального бархатного сезона. Когда с трудом понимаешь, где кончается маска (вдалеке слышится чарующий баритон Г. К. Отса «Всегда быть в маске – судьба-а мо-о-оя...») и начинается лицо. Когда уже и сам не понимаешь, где кончается честно отработанная профессиональная невозмутимость и начинается честно заработанное отсутствие эмоций. Когда человек с диастолическим давлением выше шестидесяти миллиметров ртутного столба и отсутствующей трахеостомой особо больным и не считается... Вроде все. Первая порция сочувственных слез выжата?

Как писала одна из моих первых читательниц (ну а что – то, что кем-то написано, когда-нибудь кем-нибудь все равно будет прочитано) «Вы обязаны писать стихи, о вечном, о том, что безнадеги нет и об умении отстреливаться, да!». Стихи почему-то получаются преисполненные обценной лексикой, рассуждения о вечном работника предпоследней перед конечной остановки выглядят пафосно, безнадега – дело глупое, ибо всегда может быть хуже, а вот отстреливаться надо. До последнего патрона. Хотя носимый запас несколько поизрасходован. В этой жизни все просто. Есть окоп, есть задача. Вот и выполняй. Как получится.

С уважением. Автор.

P.S. Слова «кстати» и многоточий действительно много. Сам знаю.

О 32 часах, из которых, собственно, и состоит жизнь...

*И воздух рвут лихие музыканты.
А небо недалекое светло
Мы не герои и не оккупанты,
Мы просто те, кому не повезло...*
(Л. Сергеев. Из наушников трэз плеера)

Дежурство прошло удачно. Пока печатаю свою описанину в операционной на настоящий момент – 01.30 – уже три кесаревых. Четвертое стоит в очереди. Рука бойца колоть устала. После использования поступивших в новой партии спинальных иголок – головная боль у каждой второй, несмотря на малый (25 гаджей) диаметр. Значит покрытие. Или заточка. Мой личный запас (ну что поделаешь, приходится поддерживать мифы о том, что у меня осложнений меньше; хотя можно сказать, что сегодня девонькам-то повезло – то ли со мной (в общем), то ли с установленной мной для себя системой обеспечения (в частности)) нормальных игл разных других производителей по этой причине несколько поистошился. Значит, завтра еще перераспределю со старого места работы, на котором еще неделю работать до получения трудовой. С паршивой овцы...

В операционной сильно зашуганной акушорами черезпятнадцать минут мамочке:

– Хауса смотрели?

– Конечно, все сезоны...

– Ставлю в известность – я хуже...

– Не может быть. Почему?

– Знаний меньше. Отмороженности больше. Издержки отечественной сборки. Поэтому рекомендую правдиво отвечать на задаваемые вопросы и соглашаться со всеми предложениями...

Теперь на столе испуганная малолетка.

– Аллергия на что-нибудь есть? Какие-то хронические заболевания?

– А вы вообще кто?

– Я, пожалуй, единственный, кто сегодня в операционной головой работает...

– А-а-а, вы анестезиолог... Вы людей усыпляете!

– Не только. Я их еще бужу. Иногда...

В перерыве, выползая быстро покурить на крыльцо утыкаюсь в красивый черный БМВ, украшенный бело-розовыми свадебными лентами. Стало интересно, поэтому ухватил пробегающего мимо озабоченного потенциального и перспективного папашу:

– А вы это чего, прямо со свадьбы?

– Почти... – Мрачно ответил потенциально-перспективный папаша.

Во время следующего забега не перекур лент на БМВ уже не было.

Периодически листаемые каналы работающего в фоновом режиме телевизора из воскресной ординаторской принесли неожиданный результат – какого-то «Склифосовского» рекламируют. Тут подняли для общения свои головы оба внутренних собеседника.

– Не считая всякой прочей мелочи на эту тему, один наш ответ доктору Хаусу уже снимали. – Проговорил первый. – Доктор Тырса получился...

– Этак еще немного и сценарии «про врачей» по популярности на второе место выйдут. После «про ментов». Правда, если дело пойдет такими темпами, то нас всех педофилы с педерастами обгонят. Можно сказать, что степень популярности сериальных сюжетов про какой-то симулякр обратно коррелирует с уважительным отношением к этой представителям этого симулякра в реальной жизни. Чем не тема для работы по социальной психологии... – Ехидно уточнил второй (он пообразованнее первого будет).

– Ну да, ну да. – Согласился первый. – Без «усталовытерпотсолбаивыдохнулбудетжить» никак. Дерьмо, блевотину и прочие биологически-опасные жидкости не покажут. Только кровь – она смотрится красиво. И еще про многое не покажут. Про то, что главное в нашей работе – это красиво написать, а далее можно вообще ничего не делать. Про муторное соблюдение установленных протоколов для минимизации рисков и защиты пациента от гениальности врача. И про отсутствие этих вменяемо написанных протоколов на русском. Про периодическое отсутствие медикаментов. Про заместителя министра, брякнувшего во время инспекционного осмотра роддома: «Это у вас что – родзал-изолятор? Почему такой маленький? У моих друзей в доме комната для кактусов больше». Про...

– Ничего, – Буркнул второй – Это – всего лишь характеризует смотрящих сериалы. Им тоже хочется посмотреть на жизнь из противоположного окопа. И будут думать, что посмотрели. Но все равно никто из них, и смотрящих, и снимавших, не поймет, насколько живущие в этом противоположном окопе эмоционально изуродованы. Вот у создателей Хауса это почти получилось...

Ну а наутро (А. Н. Толстой «Хмурое утро») еще 8 часов. У бабки, засунутой терапевтами в палату интенсивной терапии (чуть не написал «эвтаназии») на выходные труссы пропали (очевидно, потому, что предъявляла слишком много жалоб).

– Стринги с кружавчиками? – Пришлось заботливо поинтересоваться, радуясь, что пропала не вставная челюсть с зубами из желтого металла (случалось, отписывался потом месяца 2). – Может фетишисты голову подняли?

Четыре учебных лапароскопии для хирургических врачей-курсантов. Зато время быстрее пройдет. 5 чашек кофе – уже в ушах булькает. Вторая пачка сигарет за сутки.

Третьим на наркоз шел молодой человек с варикоцеле. Расширением вен на яичке. Лапароскопически. Через 3 дырки. 19 лет, в общем-то, здоров. Но рутинное соблюдение мелочей позволяет иногда избежать профессиональных минут ужаса, оставляя только часы скуки. Поэтому, несмотря на то, что здоров, все равно опрашивать юношу положено так же, как и старух с букетом сопутствующей патологии:

– Хронические болезни есть, с которыми на учете состоишь?

– Да нет...

Но лучше уточнить.

– То есть кроме яйца у тебя ничего не болит?

– Яйцо тоже редко...

Вот так потихоньку все и шло (красиво, надо сказать шло, ибо, в связи с предстоящим увольнением, я выгребал все свои нычки, не оставляя врагу ни крошки хлеба, ни капли спиртного, жаль, что не было моста, который было бы нужно взорвать) к перебежке на следующее место приложения узкоспециализированных знаний и выполнения консалтинговых функций (просмотр технических заданий конкурентов с элементами промышленного шпионажа), а потом к поездке домой.

А что, может совсем уйти из медицины? Пенсия есть, а на жизнь всяко заработаю...

Об экзистенциальном...

Просто так вспомнилось. Молодой парень лет двадцати с небольшим. Единственный сын у родителей. Поздний ребенок. Отличник и спортсмен. Терминальная опухоль средостения. Четвертая клиническая группа. На сленге – «кварта». Ко мне его засунули, только чтобы не нервировать сокамерников, лечению в реанимации такие больные не подлежат. Синдром верхней полой вены и выраженный болевой синдром на девяточку по визуально-аналоговой шкале (знающие поймут) – не самое удачное сочетание. И не самая комфортная смерть на достаточно длительное количество часов. При введении опиоидов – масса нежелательного, включая потерю респираторного драйва. Пациент старался громко не кричать (мысленно отмеченная галочка в графе «неплохо держится»). И все-таки, был назначен и введен морфин. Спустя короткое время он сказал: «Мне стало заметно легче...» (еще по одной мысленно отмеченной галочке в графах «неплохо держится» и «жаль»). Потом он улыбнулся и уснул. А потом, минут через сорок, перестал дышать. С реанимацией я не заморачивался.

Родители, неоднократно проинформированные и ждавшие финала под дверью, сильно просились попрощаться. Кровать с накрытым простыней телом уже была вывезена в коридор, криминала в этом особого не было и чего бы не пустить? Может и зря...

Проплакавшись и попричитав, женщина плевала мне в морду и кричала, что врачи – они убийцы и далее всяко разное по стандартному тексту, что если бы не мы все, в общем, и я, конкретно, в частности ... (мысленно отмеченная галочка в графе «а знала бы ты все...»), а мужчина сжимал сухонькие кулачки, с трудом сдерживаясь, чтобы не захватить мне в бубен (мысленно отмеченная галочка в графе «ой не стоит этого делать»). Страшного-то конечно ничего, рутинные профессиональные издержки, нужно было только плевки утирать, да медсестрам за спиной рукой махнуть – на хер обе отсюда, вас тут не хватало. Дело обычное, но несколько напрягало. Примерно через полчаса после начала эмоциональной разрядки им то ли немного полегчало, то ли просто выдохлись, но они ушли, держась за руки, как на прогулке в детском саду.

Все нормально. Оставалось прорычать на дежурных медсестер, ревущих в курилке: «Херли расселись!? Я за вас уколы делать буду!?!». И можно было пойти покурить самому (мысленно отмеченная галочка в графе «ибёнать, сигареты быстро кончаются, нужно брать три пачки»)...

Борцам за права пациентов:

Все события выдуманы, все совпадения случайны.

Про рецепты или предложения меня спрашивать не надо. Их нет.

Идите вы на...

Об экзистенциальном еще раз...

Летнее дежурство в неотложной гинекологии текло как обычно. Жара и жара. Терпимо. Время только к пяти. Ночью попрохладнеет, но до ночи нужно потерпеть. Мысли из-за жары, видимо, расширились, поэтому в голове ворочались с трудом.

Пока не оформились: «Сейчас больных на завтра посмотрю. А потом куплю бутылку холодной минералки. Или бутылку холодного пивасика, благо только из ограды больничной высунуться. Туда и обратно – минуты три займет. А потом выпью. И до ночи будет терпимо. Может даже поужинать захочется». Я направился по пути реализации первой части с таким трудом разработанного плана, благо палата хирургии, в которой нужно было смотреть больную располагалась рядышком и пока туда шел – вспотел не сильно. И посмотрел и уже почти все объяснил про наркоз, дооперационное кормление и поение и вдруг сначала в коридоре послышался какой-то шум. А потом визг: «Алексей Романови-и-и-ч!...». Такой визг означает только одно – звиздец забрел. Нужно идти отгонять, а там как карта ляжет...

Дверь в реанимацию была распахнута. И посредине палаты стояла моя медсестра с ребенком на руках. Маленьким ребенком. Очень маленьким. И мягко говоря, синеватым. Рядом очумело таранилась на меня ее подружка – постовая медсестра из хирургии. Старший появился, ему и команду на себя брать. Желательно с рыком, чтобы соображать начали. Но без перегиба, чтобы ступор не усугубить.

– На кровать! – Рывкнул я, ребенок занимал на нашей взрослой реанимационной кровати очень мало места. Выглядело это непривычно. В груди сжалась какая-то пружина, а в голове заполошно закрутились обрывки мыслей. – Аппаратура под таких детей не заточена... Я же ему нашим вентилятором легкие порву... Как интубировать буду... Херня, новорожденных же интубирую... Ага, умник, интубировать хреном будешь?... С детьми особо не работал... Дозировки?... Ладно, делай что-нибудь, видно будет... Ой, бля, попа-а-ал...

– Амбушку ... – Я получил в руки дыхательный мешок, воткнулся в кислородную разводку, аккуратно начал поддыхивать явно неэффективными дыхательными движениями ребенка. Параллельно удалось что-то вроде пульса прощупать на шее. Ладно, вентиляцию обеспечили.

– Монитор... – Три электрода с трудом получилось разместить на грудной клетке, но теперь мы хоть как-то контролировали сердечный ритм. Восемьдесят в минуту. Мало, бля... Анестезистка застыла перед ребенком (пока еще ребенком) с датчиком пульсоксиметра¹, определяющего содержание кислорода в крови. Датчик был для взрослых пальцев. Ничего, дорогуша, старший по команде пришел, он поможет...

– Куда хочешь цепляй, но чтоб работало...

– Как... куда я его...

– Меня не гребет куда... – Старший по команде как обычно помог. Добрым словом. Ступня как раз вся в датчик поместилась. 80%. Мало, бля... Прордыхиваю мешком (взрослым!). Экскурсия хорошая. Мыслей стало поменьше:

– Баротравма, бля... Аккуратнее... Не порвать легкие, иначе не только ему звиздец...

Как-то в промежутке умудрился услатить палатную сестру за дверь к родителям, выяснить чего случилось-то. Молодец, все четко и быстро. И доложила коротко:

– На учете у кардиохирурга... В очереди на операцию... Посинел, упал... Вызывали скорую... Не дождалась, повезли в первую попавшуюся больницу...

В голове появились новые мысли:

– Это они молодцы... Прямо по адресу приехали...

Тут встало дыхание.

¹ Прибор для определения насыщения крови кислородом.

– Ларингоскоп... – прохрипел я.
– У нас взрослый, клинок тройка меньше нет, как вы...
– Ларингоскоп, бля... – уже громко рычал я. И тут же кому-то из родственников, сунувшемуся в дверь, – На хер отсюда!

– Трубу...
– Пять с половиной, тоньше нет...
– У меня на полке пятерка лежит...

Откуда-то появилась пятерка с моей полки. Быстро.

И опять мысли:

– Молодцы, быстро трубку принесли... Как клинок во рту поместился?.. Есть, вижу головую щель... Аккуратнее, пусть кончиком, но только до манжетки... До манжетки... Везти его отсюда... В детскую реанимацию... Нормально... В самом деле и как это я... Точно, сдуру вышло... Теперь проще... Дышим мешком потихоньку... Вроде сатурация немного вверх пошла...

– Алексей Романович, сердце...

На мониторе пошла пилообразная херь вместо комплексов. Потом изолиния. Массаж сердца. И дышим, дышим... Второй (постовой):

– Зови всех кого встретишь...

Первой (своей):

– В вену входи...
– Как... чем... не смогу... не видно...

Посмотрел. Нет вен. Не в подключичную же колоть. Взрослым набором. Один уже уколол...

– В мышцу коли. Атропин и адреналин по 0,3.

Посмотреть на часы – ух ты, уже семь минут как меня позвали. В дверь просунулись попавшиеся на глаза второй медсестре главная сестра больницы и дежурный гинеколог Борисыч.

– Вы, звоните 03, детскую реанимацию для перевозки. Борисыч, сердце покачай, я уже мокрый весь.

Второй сестре:

– Помогай набирать в шприцы...

Время несло скачкообразно. И опять мысли вспышками:

– Вену... Вену, бля... Венозный досту-у-уп... Ладно в мышцу... Еще адреналин... Еще... Тридцать пять минут реанимации... Ладно еще немного покачаю... Борисыча сменить, он замудохался... Нет ни хера... Бросаем?... Еще немного...

Ребенок официально перестал быть ребенком. Он стал телом пушисто-белобрысого ребенка восьми месяцев от роду и около десяти килограммов весом, одетым в синие джинсы, полосатую футболку и одну кроссовку.

– Все, бросаем. Хватит. Бесполезно. Констатация. Все, я сказал. Выкатывайте в коридор, челюсть, руки – сами знаете...

– Алексей Романович, руки как подвязывать – по-мусульмански, по-христиански?

– Я откуда знаю... Сейчас спрошу... Не высовывайтесь пока, кинутся еще... Пойду говорить...

Вышел, оценил обстановку. И снова мысли:

– Ох, сколько родственников набежало... Кто заистерит?.. Та, покрашенная постарше, рядом с отцом... Бабка?.. Этот в тубетейке и с бородой... Он кто?... Сначала погасить истерику, только потом пустить к телу...

Не просчитал. Истерика была у отца. Рядом с выкаченной в коридор каталкой. Мать словно окаменела. Накрашенная постарше, которая бабкамазьотца и которая была обвешана различными украшениями из желтого металла вместо того, чтобы пойти к телу внука, стояла передо мной. И пугала всеми карами небесными, пугала, пугала... Свои мысли по этому поводу я цитировать не буду. И пружина в груди почему-то продолжала сжиматься. А тут еще за мужиком в тубетейке и с бородой коситься надо. Он вел себя конгруэнтно – хмуро косился на меня, но молчал. Накрашенная постарше набирала децибелы. Теперь она требовала отдать тело. Я механическим голосом, негромко, чтобы она сбавляла голос, твердил про обязанность вызвать и дожидаться оперативников, следователя и судмедэксперта. Бородатый продолжал молча коситься. Откуда-то вывернулась дежурная терапевт, стала потихоньку оттирать меня плечом. И вдруг на заднем плане замаячил не только хмурый, но и тревожный Борисыч:

– Алексей Романович! Срочно в операционную...

И по пути, скороговоркой:

– Романыч, двенадцать лет... Травма наружных половых органов... Вроде криминал... Кровопотеря до хрена... Шок... Ревизия... Ушивать. – А сам продолжает смотреть тревожно.

Опять замелькали мысли:

– Эх и вечер гадский... Чего, парниша, засомневался что справлюсь?... Не ссы, Капустин, Салават Фасхутдинов исполнит татарскую народную песню «Дойчланд, Дойчланд, юбер аллес»... Ох, бля, вся юбка в кровянице... это сколько же кровопотеря?...

А дальше старший снова начал сыпать командами анестезистке:

– Вену!... Давление!... Шестьдесят на тридцать?... Гелофузин!... Кетамин, пока семьдесят пять!... Фентанил набирай, но не вводи без команды...

Потом была стабилизация гемодинамики, побудка и сдача девочки в сознании мамаше под присмотр.

Потом до ночи отписывание разных бумаг милиции и следователю.

Потом, наконец, забрали тело ребенка и родственники ушли. Перед уходом бородатый в тубетейке задержался передо мной и неожиданно произнес:

– У Вас, доктор, похоже, из-за нас проблемы будут. Вы уж извините...

Потом, уже около двух ночи Борисыч отпаивал меня коньяком, изъятым из представительского фонда своей заведующей, и говорил, что «ты тут ни при чем, просто оказался не в том месте и не в то время». После отпущенных им ста пятидесяти пружина стала немного отпускать.

Жалобу на меня в горздраве оставили уже утром. В половине девятого я в кабинете главного сел писать первую из четырех за этот день объяснительку.

На письменный опрос в следственный комитет меня вызвали через десять дней. Там, во время опроса, я спи... э-э-э... взял с собой в качестве сувенира длинную иглу для суровых ниток. Потому что жизнь шла дальше, и нам тоже было чего прошивать, прошнуровывать и пронумеровывать, а иголки до сих пор не было.

Если что – то все события выдуманы и все совпадения случайны...

Об экзистенциальном опять...

Неделя насытила живительными впечатлениями. Но все хорошее проходит, прошла и она. Я не расстраиваюсь, ибо новая начнется.

*А серый волк зажат в кольце собак,
Он рвется, клочья шкуры, оставляя на снегу,
Кричит: «Держись, царевич, им меня не взять,
Держись, Ванек! Я отобьюсь и прибегу.
Нас будет ждать драккар на рейде и
Янтарный пирс Валгаллы, светел и неколебим, —
Но только через танец на снегу,
Багровый Вальс Гемоглобин...*

(О. Медведев. Из наушников трэ плеера)

Среда была как среда. Обычный рабочий день, обещавший нормальную рутину (очень в англоязычной профессиональной литературе, исходящей именно с острова, любят слово routine). Опять один на хирургию и гинекологию. Ну, если в хирургии все привычно и отлажено: три грыжи и лапароскопический холецистит с нормальной оперативной техникой, быстрой сменой пациентов и отсутствием ауры из хаоса, то в гинекологии все тоже routine или выражаясь нормальным человеческим языком – бардак, бя. Иногда закрадывается мысль, что делать все через жопу им привычнее, потому как жопа – она совсем рядом с местом, где они профессионально реализуются. Сначала плановая лапароскопия в связи с бесплодием, затянувшаяся на непривычные два часа. Затем гистероскопия. И только затем тетенька преклонных лет (лет на пять старше меня, но я-то свои тринадцать общевоисковых раз на турнике еще подтянусь, хоть, возможно, и извиваясь, но все равно с оценкой «хорошо») с ожирением, узлами в матке и обширными шелушащимися высыпаниями на коже (какая-то дерматологическая псориазоподобная хрень, на течение наркоза никак не влияющая; ну а эстетические чувства у меня давно уже умерли насильственной смертью). Поскольку уйти хотелось сильно и вовремя, а операция в гипогастрии, т.е. в самом нижнем этаже брюшной полости, заморачиваться я особо и не стал, получил согласие на укол в спину, слегка поманипулировав сознанием пациентки вопросами безопасности подобной анестезии по сравнению с общим наркозом (даже формулировку новую сочинил «между вашим комфортом и безопасностью я выбираю безопасность», надо будет ее пошире использовать), прежде всего, чтобы о пробуждении не беспокоиться вообще. Больная в сознании, у нее ничего не болит, укантовал на послеоперационное место этот центнер килограммов после операции и все. К концу рабочего дня операция, наконец, завершилась. Очередной день ожидания осени подходил к концу, свой десяток наркозов был проведен и даже поход домой опосредованно, через одну из подработок не расстраивал. Мобилка зазвонила уже после выхода из экзитория. Звонила дежурная гинеколог Гульчатай: «А вы далеко?». Я молча пошел обратно, предупредив подработку, чтобы не ждали, ибо напрасно. Ну чего, пока обезболит извлечение мертвого плода шестнадцати недель от роду и дождик кончился. Да и домой теперь можно было ехать уже сразу. Где я и оказался в 19.10. Если ехать с подработки, то также бы приехал. Звонок, судя по мелодии («Каагипа» не так раздражает окружающих, как «Егиса», но цинизма столько же, если не больше) был опять от группы «экзиторий». Гульчатай небось, подумалось мне. Хрень какая-нибудь с тетенькой. Что-то в ней мне не нравилось, о чем я Гульчатай перед уходом и сказал. Я посмотрел на дисплей и понял, что тяжело быть умным. Срочно. На работу. Загреба-а-ли. Вызвать такси, предупредить жену, гостившую у молодого человека и вносившую свою посильную лепту в его воспитание. Одеться. Забыть на полке снятые часы, кстати, тоже швейцарские,

тоже дорогие – аж под двести евро и тоже подарок (от жены и дочери), все как у патриарха. Вследствие чего, потом все события пришлось засекаать по чужим часам, а я этого не люблю.

Все остальное можно было уточнять уже в таксомоторе. Раскатать операционную, убедиться, что операторы (Борисыч и заведующая Гайнуллина) уже на месте и получить у ответственного дежурного хирурга наркотики. Во встречном бою побеждает тот, кто раньше развернется – эта фраза из боевого устава сухопутных войск плотно сидела в подсознании. Да, и кровь с плазмой заказать. Много. «Хорошо, что Гульчатай взяла на себя эти диспетчерские функции, у нее получится»: подумал я, и тут подтянулась еще одна ехидная мыслишка: «Ага, а случись чего – диспетчер в очереди на озвиздюливание далеко не первый...». Что поделывать, тяжело быть умным. Наслушавшись этих разговоров по телефону, водитель смотрел на меня уважительно и даже ехать стал побыстрее.

Доехали, рассчитался (кстати, из полученного накануне от благодарного пациента пожертвования на медицинскую литературу, как раз хватило, и сдача на сигареты осталась, хотя нецелевое расходование пожертвования налицо) вбежал, глянул. В пробежке еще успел пообщаться с понурыми гинекологами:

- По УЗИ?
- Жидкость в брюхе, много...
- Плазма?
- Греем...
- Эритроцитарная масса?
- Заказана...
- Езжайте, херли на меня тарашиться, открываться надо побыстрее, дайте переодеться...

Успел натянуть только верх от своей операционной «мабуты» и вдарил в операционную. Так и скакал потом по ней в этом верхе и драных джинсах похотливым гамадрилом. Начали на минимальных дозах наших препаратов, чтобы окончательно не уронить давление. Где-то в затылке мелькнула мысль:

- А если помнить будет что-то? А и хер с ним, помнят только живые...

Пока гинекологи лезли в живот, а потом выгребали сгустки, я лил струей все, что подтаскивали гелофузин-плазма-гелофузин, но давление и все прочее неудержимо валилось вниз. Чо, задача из физики – насос, трубы и обогревающая жидкость. Если жидкости мало – сожми трубы и ускорь мотор. Адреналин. Постоянно. В концентрации 1:200 000 (а насос шприцевой я с собой прихватил, хоть и тяжело быть умным; набор для катетеризации центральных вен, кстати, тоже). Но лить его только в центральную вену. Подключичную. Толстой бабе. На операционном столе. Без анатомичной укладки.

- Подвинься на хрен, Борисыч.

Натянул стерильные перчатки, своей сестре:

- Мазни разок спиртом, хватит, до инфекционных осложнений еще дожить надо...

А в голове билась противная мысль:

– Если помрет от кровотечения – они виноваты. А вот если ты, красавец, сейчас легкое звизданешь... Не видать тебе осенью новой работы. Да и старой тоже. Оправдания в нашем колхозе не принимаются... Ладно, поехали... Ой, бля, неудобно-то как, сейчас наковыряю...

Бог пехоту любит. Вошел быстро, впер двухканальный катетер в вену. Тут и эти ребята сосуд пережали. Дальше было проще: в одну дырку адреналин, в две других наливаем, эритроцитарная масса подъехала, определять? – на хер, первая, универсальный донор, газы там транспортировать все равно уже почти нечем. Давление потихоньку ползло вверх. Частота сердечных сокращений, насыщение крови кислородом и выдыхаемый углекислый газ тоже.

Тут, совсем уж на ночь глядя и вызванная гинекологами начмед нарисовалась (мне она не нужна, я рогатого всеуе стараюсь не поминать). А сейчас она еще иоглавного. Главному-то контракт не продлили, и, как доносит агентурная разведка (а чо, мы не пальцем деланные,

у нас тоже есть), тетя подключила свою крышу на борьбу за открывающуюся вакансию. Все как в «Семнадцати мгновениях весны» – у нас месяц до кабздеца, а мы все интриги плетем... И сразу ко мне:

– Какие перспективы?

– Скорее да, чем нет, но видно будет позже...

А ты как хотела? То ли случились (не от слова «случка») гипоперфузионные повреждения, то ли нет, пока она практически без давления была, откуда я знаю...

– Как вывезете ко мне...

У себя в кабинете она сначала визжала. Трясла какими-то бумажками, спиз... э-э-э... взятыми без разрешения почитать со стола заведующей гинекологии, я не прислушивался у меня мысли о другом были. Потом требовала объяснительные (тут я оживился, но с меня ее требовать она перестала, а жаль...). Приходилось сидеть с невозмутимым лицом, и думать:

– И чего же тебя так колбасит-то, лошадка pedalная?

Пока не понял – страх. Это же опять ЧП. Из-за отсутствия круглосуточной реанимации. Потому, что на юриста с зарплатой трех реаниматологов и на восемь замов главного деньги есть. На реаниматологов нет. И стало быть карьерные устремления могут накрыться и медным тазом, и местом приложения гинекологических знаний на счет «раз». А если бы мы (я или нет, это неважно) взяли тетеньку весом центнер на операцию хотя бы минут на сорок пораньше... И я об этом на разборе (если до него дойдет) молчать не буду... Потом была мысль – а не послать ли ее на хер и не завершить ли посыл швырянием заявления в морду?

– Ладно, собака серая, жди ответку. Крови я из тебя еще попою, бояться мне нечего, в роддом на постоянку хоть завтра вернусь... – завершил я мыслительный процесс.

Потом была попытка раскрутки заведующей гинекологии на презентационный фонд с целью поправки расшатанных нервов и удалось добыть лишь бутылку французского сухого на троих (коньяк был бы лучше, но его не было). Потом оценка послеоперационной функции почек – нормально, моча есть; сердца – нормально, ишемии миокарда нет; легких – нормально, дыхание симметричное, жесткое, но хрен с ним; мозга – долго ждал, но на сознание она вышла и даже поговорила... Потом писанина. Потом крепкий здоровый сон. С пяти до половины седьмого. Потом снова операционный день.

Мораль: Дома жена спросила:

– И чего ты в результате получил?

– В сухом остатке – живую жирную чешуйчатую старую деву. Может внуку зачтется? Мне-то похер, в рай я все равно дресс-код не пройду, а ада – не заработал...

Вместо послесловия: Кстати, анестезиологом я стал совершенно случайно (вообще-то я хотел в лесники в самом глухом лесу пойти, но не случилось). После увольнения из армии разговаривать ни с кем не хотел, вот и пошел туда, где пациенты молчаливые. Нет, был еще вариант с патанатомией, но на трупы, по причине пресыщения данной картинкой, я хотел смотреть еще меньше, чем разговаривать. Вот и вышло так, как вышло. А что, у кого-то романтически-возвышенные мысли «про призвание» возникали?

О двойне оплачиваемых дежурствах...

Придя на работу в февральский, но красный день календаря, первым делом рывкнул на акушорских вахтенных, что трогать меня не по делу вообще и сегодня в частности чревато и порекомендовал забыть о моем существовании. Из меркантильного чувства собственного комфорта. Для убедительности помахал перед носом камуфлированной операционной тубейкой. И возлег. Правда потом вспомнил, что у меня послеоперационная больная не переведена, а поэтом пришлось вставать и подниматься наверх, чтобы дать устное указание о переводе. Письменное давать не стал – неохота, да и не читает никто. Я уже полгода их не пишу (честно отвечая «да, конечно, все написал») и никто до сих пор не заметил.

На обратном пути был несколько озадачен сидящим на стуле перед столом акушерки в приемнике мужиком (на этом стуле обычно принимаемые в ротдомик беременные сидят).

– Не понял... – решил удивляться я вслух – У нас чо, по случаю дня Красной Армии мужиков принимать начали?

Мужик оглянулся. Как-то недовольно. Видимо понял, но мне-то по хрену. Хотя при взгляде на этого субъекта возникали нездоровые ассоциации с Мадамин-беком, Джунайд-ханом, когда-то прочитанной методичкой пышноусого краскома С.С.Каменева «Система борьбы с басмачеством (бандитизмом)» и понравившимся после прочтения в детстве романом Г. Тушкана «Джура». Он тоже смотрел на меня по-доброму. Быдто через прицел распространенной в свое время в Туркестане винтовки Энфилда.

Ну, чо, дальнейших вопросов можно было уже и не задавать. Судя по высотно-горному пейзажу на первой странице паспорта, гражданин высотно-горного когда-то братского Таджикистана жену рожать привел. А на месте для принимаемых сидит потому, что его жена языком экс-имперских экс-оккупантов не владеет. Ну и залег я дальше в позу дежурного врача. «Расследования авиакатастроф» досматривать.

Через пару серий это весьма приятное времяпрепровождение было прервано истошным воплем наших меньших братьев по разуму «Сердцебиение у плода! Бегом!». Кому сериалы, а кому суровые будни. Пошел имитировать бег. Хотя как-нибудь попробую симитировать его как в кино – с истошным воплем «Скорее! Мы его теряем!». Может рождаемость в отделении патологии беременности, где ее (беременность) сохраняют резко повысится?

Поскольку речевой контакт был резко затруднен, время на него и не тратилось. Местами ощущал себя ветеринаром. Хотя следует отметить, что по причине возраста, пациентка к нашим шевеления отнеслась вполне лояльно. Видимо еще помнила эпизоды детства при Советской Власти и существование специальных людей в белых халатах.

Потом, несмотря на все усилия убийц в белых халатах, новорожденный третий мальчик и четвертый ребенок в семье, от души заорал. Неонатолог и акушоры радостно вздохнули. И я не мог остаться в стороне от всеобщего радостного подъема:

– Хорошо орет! Громко! С такой голосистой глоткой он, когда вырастет, вполне сможет возглавить национальную борьбу жителей Туркестана за религиозное возрождение и окончательное освобождение от имперских оккупантов...

Потом был мой практически монолог в послеоперационной палате:

– И кто тут у нас фарси понимает? Никто? Стыдно товарищи молодые мамы! А кто дольше всех лежит? Вы? Назначаю старшей по камере и ответственной за международную интеграцию...

Между прочим, как-то они там общий язык нашли. Вот что безусловные командирские рефлексы, грамотно поставленная задача и отработанный командный голос с людьми делает.

Потом я вышел поку... э-э-э... подышать свежим воздухом и увидел ожидающего окончания родового процесса счастливого молодого папу.

– Ирина Мефодиевна, вы бы на улицу курить не ходили. А то там вольный сын высоких гор Памира дожидается. Как бы на чо не обиделся...

И кто ж знал, что шутки мои опять пророческие?

– Почему вы прооперировали мою жену?

– Потому что состояние ребенка было угрожающе...

– Почему вы прооперировали мою жену, а меня не спросили?

– Она дала согласи... – кстати, в бланке согласия на операцию действительно стоял какой-то полумесяц.

– Какое согласие без разрешение хозяина?

– ... – Пауза подзатянулась. Опаньки! Борец за освобождение женщин Востока начала сдвигаться, но поскольку ее жизни, здоровью и половой неприкосновенности ничего не угрожало, я решил пока наблюдать за конфликтом цивилизаций методом подслушивания, ибо появление веселого и находчивого мужика, трогавшего голую чужую собственность руками (пусть даже и в перчатках) могло перевести диалог в несколько иную плоскость, а я, хотя и тоже умею смотреть быдто через прицел АКСа, но буду лет на пятнадцать постарше и на те же пятнадцать килограммов полегче (хотя у меня в заачке кислородный ключ на 32 есть). Но ничего, нашлась – В России у женщин нет хозяев!

– Мы – таджики! – Гордо возразил ириномефодьевин собеседник, интонационно подчеркнув, что вертел он эти чужие для нормального человека обычаи на не аутентичном для высокогорного Туркестана банане. – У моей жены хозяин я!

Ну, как-то к консенсусу они не пришли. Гражданин братского Таджикистана обещал жалобу написать. Жду с нетерпением...

О роли медсестер лечебном процессе...

Я боюсь медсестер. Особенно молодых. Особенно из совсем провинциальных медучилищ.

Хотя если сделать небольшое отступление и вспомнить, как мне довелось попреподавать анестезиологию с реанимацией в пафосном губернском медицинском... как бы это помягче... колледже, то из группы третьекурсниц, мне только, сейчас точно не помню, то ли два, то ли три человека рассказали, сколько у человека кругов кровообращения и откуда-куда они начинаются-падают. Зачет они же сдали. Остальным я поставил тройки в обмен на расписку, что они «никогда не будут работать в анестезиологии-реанимации, поскольку при исполнении служебных обязанностей с таким уровнем знаний являются социально опасными». Кстати, не отказалась ни одна. А мне они на передаче на хрен нужны?

Но вернёмся к нашим выпускницам провинциальных медучилищ. Звали ее... ну пусть будет Гульнара Исламовна. По имени-отчеству звали ее все, и пошло это с моей легкой руки. Только с чего это по имени-отчеству ее звать пришло в мою легкую руку – убей, не помню. Скорее всего, скучно было. Девушка была своеобразная. Любила петь. И слушать Таню Буланову. А вот чего вводить и сколько миллиграммов в миллилитре того или иного препарата запомнила хуже. Вернее никак. Я ей сдуру присоветовал на бумажку все записать. Она выслушивала команду, заглядывала в бумажку и потом, не торопясь, вводила. Вот за совет про бумажку ее ко мне и придали. Был это дождливый осенний вечер, операции в исполнении меньших братьев по разуму, работающих в операционной только руками затягивалась, время к 18.00. Везде, куда мне надо было, я уже опоздал, поэтому и не нервничал. Вдруг вспомнилась племянница, учившаяся в это время считать после десяти. До тринадцати было легко, а дальше шло числительное «жерепаднацать». Тем временем процесс протекал скучно и однообразно, т.е. штатно. Я, как самый умный в операционной, сидел, рукоблуды ковырялись в пациенте, наркозный аппарат гудел, анестетики с анальгетиками вводились. Кстати, подошло время введения прекрасного (в военно-полевых условиях) галлюциногена по имени «Калипсол» производства Венгерской Народной Республики. Я и скомандовал:

– Калипсолу. Жерепаднацать миллиграмм.

Жизнь становилась интереснее. Гульнара Исламовна невозмутимо заглянула в бумажку, набрала какое-то количество раствора из пузырька темного стекла, развела и уверенно пошла к больному. Дальше к диалогу прислушивались даже хирурги.

– Ты чего набрала?

– Чего сказали, то и набрала.

– А сколько ты набрала чего я сказал?

– А сколько сказали набрать, столько и набрала.

– А сколько я сказал?

– Вот набрала сколько сказали. Сами сказали столько набрать...

Это могло длиться вечно, но дело шло к тому, что англичане называют «awareness». Поэтому волевым решением диалог я попытался прервать:

– Вылей. На хер. Набери пятьдесят миллиграммов. Один (продублировал пальцем) миллилитр. До отметки с цифрой один. Не поняла – переспроси.

– Все я поняла, зря вылили, сколько сказали, столько и набрала...

Я только смог простонать:

– Ахх-хренеть.

Мораль: После этого я стал понимать злобных буржуинов, у которых анестезисток в основном нет. А миллиграммы в миллилитрах дублировать начал.

Про Гульнару Исламовну и ее аппендицит, а также про Гульнару Исламовну и ее пение расскажу попозже. А то сюжеты иссякнут.

О роли медсестер в лечебном процессе – 2...

Ну что, вернемся к роли медсестер в лечебном процессе? В данном случае, в лечебном процессе самих себя.

Ибо, как говаривал один мой старший товарищ: «Из медсестер и вечерников врачей не получается...». Или как говаривал я, по этому же поводу: «Студенту поработать медсестрой можно и нужно. Переработать нельзя...». Ну ладно, отвлекаюсь, да и в профессиональном высокомерии обвинить могут (хотя мне пох, честно говоря). Впрочем, высокомерие, порожденное иной степенью ответственности и многолетними наблюдениями за этими персонажами, есть.

У Гульнары Исламовны через год работы в нашем богоугодном заведении заболел живот. Справа внизу. Так что даже люди далекие от медицины смогли бы понять, что это аппендицит, который может лопнуть. Поскольку Гульнара Исламовна стояла к медицине на шаг ближе людей далеких от медицины, она на него пожаловалась. Поскольку хирурги у нас были в основном хорошие, т.е. не ленивые и любопытные, то свободные от операций сразу же выстроились в очередь, дабы полатать невинную исламскую девушку за оголенный живот и приспущенные трусы. Тем не менее, Гульнара Исламовна в вопросах соблюдения религиозных верований в виде отказа от демонстрации своего обнаженного девичьего тела, стояла на жестких фундаментальных позициях и демонстрировать живот отказалась, что проявилось в залезании на подоконник и громком визге (мое радикальное предложение пиз... э-э-э... дать ей сзади по башке и пощупать живот с исключительной дерзостью и особым цинизмом, а, при необходимости, провести и пальцевое исследование прямой кишки, используя беспомощное состояние потерпевшей, было отвергнуто как антипартийное уголовно-наказуемое и неполиткорректное). На визг забрела начмедша, и, первым делом, отсыпала мне гребуков за нарушение лечебно-охранительного режима в сестринской, т.е., теоретически, рядом с местом госпитализации наиболее тяжелых больных. Я ушел, громко матерясь и горько сожалея о нереализованном замысле, пожелав им, чтобы оно рассосалось. Уточнять, кто или что имелось в виду, при употреблении слова «оно», я, на всякий случай, не стал. В это время начмедша отловила за ноздри кого-то из не успевших свалить вслед за мной работников ножа и топора, и повелела щупать через ночную рубашку. На разочарованный, но не без надежды в голосе, вопрос не успевшего о качестве диагностики при щупаний через ночную рубашку, ответ был коротким. – Ниипёт! Давай быстрее, пока милиция на вопли не приехала.

Локальное напряжение мышц передней брюшной стенки справа в гипогастрии он, тем не менее, нащупал. Симптом Щеткина и его брата Блюмберга тоже. Тут и анализ крови приехал, лейкоцитоз, сдвиг влево. Все как в книжке для четвертого курса. Ждать нечего, резать надо к чертовой матери, не дожидаясь перитонита. Впрочем, пришлось подождать пока освободится стол у анестезиолога-женщины (такова была последняя воля Гульнары Исламовны). Ну а пока чего-то ждешь, идет время, который каждый использует по-своему. Гульнара Исламовна использовала его продуктивно – она думала. И додумалась. За год работы, она усвоила, что у поевших больных операции отменяются (боюсь, что она не догадывалась про отмену только плановых операций, экстренных-то у нас особо и не было). Т.е. отменяются наркозы, но операции, почему то, отменяются тоже. Не желая оперироваться и, соответственно, желая отмены операции (или в обратной последовательности) она решила поесть. За то время, пока соседки по сестринской комнате успели позвать ближайшего врача, наша красавица успела сожрать треть буханки хлеба и полбанки соленых огурцов (повезло еще, что банка была маленькая, всего литровая). Пока врач успел оную банку изъять, Гульнара Исламовна стала требовать шоколадку за окончательное согласие на операцию и адекватное дооперационное поведение.

Шоколадку ей пообещали выдать после операции, но с учетом опасности разного понимания словосочетания «адекватное дооперационное поведение» к ней приставили соглядатая.

В этой жизни кончается все. Даже ожидание. Стол освободился, и нашу барышню увели на операцию. Я проконтролировал освобождение койки для нее в реанимации и продолжал заниматься своими делами, пока ее (кстати, аппендикс-то был сильно флегмонозный, ну или слабо гангренозный) не привезли обратно. Просыпающуюся, но уже в трусах и ночной рубашке, т.е. процесс, протекал практически целомудренно, однако, против законов физиологии не поперешь, на президентов и бомжей они, в отличие от уголовных, действуют одинаково – свежесожранные огурцы с ржаным хлебушком устремились обратно на воздух (немного знающие английский язык могут оценить мою виртуозную игру слов, поскольку значение английского слова aspiration не только «отсасывание содержимого полости» (в т.ч. и ротовой), но и «устремление»). Поскольку свежесожранный устремлялось наружу по кратчайшему пути, то двинулось оно обратно в пищевод и быстро заполнило всю ротовую полость. После этого недопереваренные (я бы даже сказал только пожеванные) огурчики с хлебцем пошли куда положено, то есть в трахею, но тут они повстречали голосовые связки. Картина ларингоспазма была опять-таки как в учебнике – кукарекающее неэффективное дыхание с напряжением вспомогательной дыхательной мускулатуры и последующим ее (дыхательной мускулатуры) истощением. Надо было что-то делать. Теоретически вариантов было два – углубить анестезию, чтобы снять чувствительность нервных окончаний голосовых связок с последующим втеканием сильно кислотой, за счет желудочной соляной кислоты, блевотины сначала в верхние, а, потом, и в нижние дыхательные пути и вытеканием из этого самых разнообразных не очень приятных последствий; либо выгребать блевотину изо рта. И оба нужно было начинать как можно раньше, не дожидаясь гипоксического повреждения головного мозга или того, что вместо него ей папа с мамой в череп напихали. Поскольку я, светя другим, сгораю сам, был выбран второй вариант. Выгревание блевотины изо рта пальцем. Указательным. Правой руки (как у русских во время куликовской битвы, у меня оставались еще указательный палец левой руки и засадный указательный палец). Процесс был практически завершен и ларингоспазм практически купирован, но про ассоциативное мышление Гульнары Исламовны я представления практически не имею. Предполагаю, что в содержимом ее черепа всплыло мое не сильно давнее пожелание о рассасывании, может быть логическая цепочка была иной. Мне было все равно, поскольку девица напрягла свои жевательные мышцы (а они в организме самые мощные) и сжала челюсти. Палец остался ней, возможно на память. Меня этот вариант сильно не устраивал. Поэтому все получилось рефлексивно – палец на себя, основанием левой ладони в лоб. Сильно, потому что больно (а ноготок-то потом с месяц слезал). И тут меня насторожила абсолютная тишина. В больнице такой не бывает. Я медленно оглянулся. За спиной стояло все отделение и молча наблюдало за моим трудовым подвигом, белым пятном выделялось лицо проводившего наркоз анестезиолога. Я задал банальный вопрос – А чего это вы тут делаете?

За всех ответил заведующий – Прибежала розовая Роза, сказала, что у Гульнары Исламовны остановка... Мы и набежали...

Последний мой вопрос был не менее банальным – Где эта сука?

Розовая Роза, приходя на работу, умудрялась прятаться от меня три дня.

Эти три дня я работал с забинтованным указательным пальцем правой руки, поскольку укушенные раны заживают плохо. Гульнара Исламовна поглаживала шрам на животе и синяк на лбу. Жизнь продолжалась.

Элефтерия и танатос...²

Произошло это в те стародавние времена, когда я не любил, как белый господин мулат ходить на наркозы, а, напротив, как негр на плантации 7—9 месяцев в году мог просидеть в реанимации. Начало дежурства как всегда не предвещало. Совершенно ничего не предвещало. Дежурство шло как всегда. 1 залежавшийся +5 свеженьких в палате. 2 медсестры и санитарка в бригаде. Правда одной медсестрой был весьма жеманный и, я бы даже сказал кокетливый, юноша с 6 курса (с учетом бьющей в глаза жеманности и кокетливости близко я к нему не подходил, а то мало ли...). Санитаркой был юноша со 2 курса, но в жеманности он замечен не был, поэтому я его гонял, как барбоса.

Больные были как больные, кому чего капать к вечеру было прокапано, особых жалоб не предъявляли, поэтому неотвратимо приближались: время раздачи и введения специальных анальгетиков – к больным, а последующая перспектива отдыха лежа с закрытыми глазами, чтобы утром выглядеть бодро и свежо еще 8 рабочих часов – ко мне. Диванчик был уже застелен чистенькой простынкой, а боевичок в пестрой обложке раскрыт. И тут раздается истошный вопль жеманного юноши: «Алексей Романович, срочно в палату!». Специфика работы такова, что иногда приходится перемещаться быстро. Переместился и узрел, что больная с третьей койки, и ростом, и весом примерно одинаковая (около 130 (см и кг)) загорячилась и начала метаться по палате. Из издаваемых воплей стало понятно, что опасается она какой-то агрессии со стороны жеманного. Говорить, что я и сам его чего-то опасуюсь, я ей не стал, чтобы не усугублять ситуацию. Надо сказать, что во время перемещения по эротично оголенным (в нашей реанимации одетыми не лежат) бедрам ее похлопывал хвост из низведенной толстой кишки (во время брюшно-анальной резекции над анальным сфинктером удаляют пораженный участок кишки, а затем опускают вышележащий здоровый отдел, чтобы пациент продолжал какать привычным местом; причем опускают с запасом, который потом отрезается). Металась она очень быстро, но не долго. Секунд сорок. Потом устала, и прилегла отдохнуть на пятую койку. На которой уже лежала другая больная, молодая девчонка лет двадцати с небольшим. На свое и мое счастье, при тех же ростовых габаритах (примерно 130), весила она в три раза поменьше, поэтому из-под рухнувшей горячившейся старухи увернулась. И даже на койке тоже смогла разместиться, ибо реанимационные койки – они широкие. Ну ладно, пообщался, угворил перебраться обратно, помог не жеманному санитару переложить ее на каталку (жеманный мудро уклонился – чего там, всего по 65 кг на брата), и понял – покоя не будет. Старуху надо гасить. В смысле медикаментозно усыплять (не как животное в ветлечебнице, а временно, до утра, утром сдать по смене). «Кстати, сдавать-то сам себе буду»: как-то внезапно подумалось. Ну и пошел я через коридор к сейфу в ординаторскую за разными волшебными препаратами. И только дошел, как: «Алексей Романович, срочно в палату!». Опять быстро переместился. Пока я быстро перемещался через коридор в правую дверь к третьей койке (куда же еще позвать могли) загорячившаяся пациентка, синхронно со мной, но встречным курсом через левую дверь, мимо остолбеневшего жеманного юноши, через коридор проскочила в ординаторскую и заперлась. Перемещаться пришлось очень быстро. Действовать тоже – пока жеманный юноша приседая и хлопая себя по бедрам совершенно по-женски причитал: «А что же теперь делать!?» – в голове всплыло мое, тогда еще не сильно давнее горнострелковое прошлое. Короче открыл я дверь. Вместе с косяком, ногой, с разворота. И увидел прелюбопытную картину. Бабка практически с боевым воплем «Джеронимо!» сиганула в открытое для провет-

² Элефтерия и танатос (Свобода или смерть!) – национальный девиз Греции в период войны за независимость от Османской империи

ривания окно (А этаж третий. И потолки четырехметровые. Итого до земли не менее двенадцати метров.). Но только благодаря весовым параметрам (около 130 (кг)) в открытой фрамуге застряла. При этом громко кричала в открытое окно что-то типа «

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.